

Евгений Сафронов

Россия, г. Ульяновск

ЭКСПЕРИМЕНТ

В моем распоряжении два документа, и оба странные: именно поэтому я достаточно долго колебался, прежде чем опубликовать их...

Первый документ — это неоконченная художественная зарисовка (точнее, наверное, «рассказ»), автор которого мой друг культуролог Петр Ребов. Он иногда «баловался» такого рода вещами, разбавляющими, по его словам, «сухой научный языковой опыт». Второй документ — это фрагменты его же дневника самонаблюдений, который Ребов вел во время своего треклятого эксперимента. Кажется, и этот художественный отрывок, и выбранные мною фрагменты дневника хорошо дополняют друг друга — ровно настолько, чтобы одно поясняло смысл другого.

Отрывок написан Ребовым в третьем лице, хотя он неплохо писал и от «я»... По-моему, он дописывал его последние строки уже на даче. Логика здесь именно такая: отрывок плавно перетекает в дневник. По крайней мере, в ноутбуке, найденном на даче, файл с этим отрывком находился в одной папке с файлом дневника (последний писался и на бумаге — общей тетради в клетку, обнаруженной там же, на даче). В общем-то, это всё, что я могу более-менее осмысленно сообщить. Далее — просто публикую оба упомянутых документа, а решать и ставить какие-то окончательные оценки — уж точно не мне...

А. Кробелев,
лаборант кафедры ...ского ун-та

(«Художественный» отрывок; наименование этого файла, данное самим Ребовым, — «Наброски3»)

— Помилуйте, сновидения — это достаточно банальная тема для диссертации, — Данила Сергеевич закашлялся и, сняв толстые очки в светло-коричневой оправе, стал привычно вытирать их носовым платком, услужливо торчавшим из верхнего кармана его пиджака. — Вы хоть представляете, сколько уже об этом написано, причем с точки зрения самых разнообразных научных дисциплин: и гуманитарных, и не очень. Море, немыслимое количество работ!.. Везде — сны, сновидения, снова сны! Неужто нельзя найти объект исследования, так скажем, посвежее?

— Но Данила Сергеевич, — Ребов даже побледнел от волнения. — Ведь... ведь я — не просто сны и сновидения, — там очень конкретный аспект....

Богородцев посмотрел на упрямый лоб Ребова и в который раз насмешливо покачал головой:

— Вижу, вы парень настойчивый. Может, оно и к лучшему. Давайте остановимся на следующем: я жду вас у себя ровно через месяц с готовым планом работы и первыми набросками нескольких параграфов. Принесете — будет конкретный предмет для дальнейшего разговора, а на нет — и суда нет: тему в этом случае будем беспощадно корректировать!

От дома профессора Ребов шел счастливый и по-рабочему подтянутый. Итак, у него есть ме-

сяц. Легко сказать «план и наброски первых параграфов»! Да как же это можно сделать, если нет еще даже общей концепции, ключевой мысли и идеи, в каком направлении двигаться?

Он должен взорвать эту свою обыденность, преодолеть косность повседневной рутины — только тогда можно будет надеяться на движение вперед, на долгожданное открытие!..

Под ногами шуршали первые желтые листья; серые краски осеннего вечера быстро потускнели и превратились в расплывчатую темноту плохо освещенного города. Ребов, совсем не думая о дороге, быстро добрался до своей хрущевки, и на ощупь открыв дверь снимаемой квартиры, тут же забылся за экраном компьютера...

Он, конечно, врал себе: идея была. Она вызрела давно, — наверное, еще с детства, когда он, увлеченный книжками типа «Тайна сна» Борбели, неистово пытался понять природу этого удивительного феномена...

Самый страшный день в его жизни случился пятнадцать лет назад: в одно мгновение он лишился практически всех близких и дорогих людей — родителей и брата, попавших в глупейшую аварию: поехали за грибами и... Впрочем, об «умных» авариях и катастрофах ему еще не приходилось слышать.

Роковая поездка произошла, когда Петру исполнилось тринадцать. Его опекунами стали две тетki, которые очень сочувствовали горю маль-

чика, не замечая, что тем самым только подогревают его замкнутость и стремление к одиночеству.

На самом деле Ребов никогда не считал себя необщительным человеком, а уж тем более никогда не воспринимал и не преподносил себя в роли такого Фауста, «стоящего над толпой». Но таковым, к сожалению, его считали многие другие, что одних пугало, а других бесило и смешило. Впрочем, у Петра был и свой круг знакомых, которые тянулись к Ребову, находя в нем что-то мистически-притягательное. В основном, это была хиппующая и богемствующая публика, среди которой порой попадались экземпляры, обладавшие редкой способностью «раскошегарить» Петра на получасовой спич.

Вообще, говоря откровенно, Петра считали немного помешанным и за глаза называли «гостем из будущего». Это никого не стесняло: наоборот, быть странным считалось обязательным козырем. Однако ж Петр был странен «до занудности», поскольку ничего, кроме «покойницких снов» его по большому счету не интересовало.

Конечно, Ребов был гораздо шире и сложнее той схемы, которую на него накладывало его окружение. Тем не менее — со стороны оно, как известно, виднее...

В аспирантуру к Богородцеву Ребов пошел целенаправленно, найдя в каких-то написанных «Сергеичем» по лихой молодости статьях некие «схожие со своими идеи». Петр причину своей просьбы о научном руководстве Богородцеву так и озвучил, упомянув о «сходстве идейных позиций». Профессор расхохотался и обещал подумать. А в середине августа отзвонился и попросил «юношу» готовить документы для поступления...

Все эти воспоминания, мысли, образы, о которых рассказано выше, то и дело появлялись и пропадали на мысленном экране Ребова, в то время как он сам смотрел на дисплей компьютера...

— Да, да. Иной аспект... Сны — во многих культурах; их значимость, вещий характер; духи

© De Es Schwerberger

умерших, являющихся во снах, — всё это исследовали многие и есть у многих. Но не то всё это, не то! Личного в этих исследованиях нет, личного участия и соучастия! — набирал он в Worde свою сто раз обдуманную мысль.

— А что, что значит это пресловутое «личное соучастие»? Как открыть — только не метафорически, а в действительно — так, чтобы можно было пощупать, измерить, предъявить доказательства, — открыть двери между тем миром и этим?

Конечно, варианты ответов у него были. Он думал над этим неоднократно и постепенно пришел к выводу, что один из радикальных методов — встряска своего повседневного существования. Необходимо поставить организм на грань яви и сна — это единственный путь личного соучастия в иномирных сновидениях.

Самым разумным способом, по его глубокому убеждению, была депривация сна. Опыты, связанные с этим, проводились различными исследователями неоднократно, однако, по мнению Петра, они все были однобоко ориентированы на физиологию и психологию. Его же интересовал, в основном, культурологический аспект.

Целью, которую он достаточно давно сформулировал для себя в качестве главной (имеется в виду не цель научная, а цель и смысл его жизни, — впрочем, границы между этими понятиями были для него аморфны и подвижны) — определить основные закономерности сновидений об ином мире и контакте с умершими. Он хотел знать об этом всё: структуру, содержание, основные мотивы этих текстов; эмоционально-психологическую подоплеку данных сновидений; причину их возникновения, основные условия, способствующие их появлению и т.п.

Повторюсь, что ничего из этого — ни тему, ни предмет исследования, ни даже расставленные им акценты — нельзя было назвать новым. Новым было само отношение исследователя к этой теме — его можно было бы охарактеризовать, как «глубоко личное» или «крайне заинтересо-

© De Es Schwerberger

ванное». Новым — и в этом Ребову было труднее всего признаться даже самому себе — было то, что его интерес к исследованию феномена иномирных сновидений имел очень конкретную прагматическую цель: попытаться нарушить границы между тем и этим мирами, используя сновидения в качестве средства. А если говорить проще: он хотел вернуть себе возможность общения с близкими и родными людьми.

Как ученый, он понимал абсурдность таких попыток: например, он почти с отвращением думал о спиритических сеансах и иже с ними. Спиритизм интересовал его только как любопытный культурный феномен, но не как средство достижения той практической цели, к реализации которой он стремился вот уже полжизни.

Сновидения — совсем другое. В те редкие моменты, когда ему все-таки удавалось во сне увидеть погибших родных (чаще всего, это была мать и брат), он наталкивался на их странное молчание, ускользающие объятия и разговоры ни о чем. Его злило, что во сне он почти никогда не осознавал, что имеет дело с умершими: ум словно отключался в эти моменты, и он общался и вел себя с ними так, будто они всё еще были живы. Изредка брат-покойник просил его во сне о каких-то мелочах: достать удочку, пиво; один раз попросил принести арбуз. Не обремененный суевериями, Ребов тем не менее преодолевал стыд и в этих случаях дарил просимое кому-

нибудь из знакомых или просто подавал нищим на улицах. Бывало, брат и мать благодарили его в сновидениях за выполненную просьбу.

Но Ребову этого всего было как-то недостаточно... Почему он так мало (без крайне необходимых ему деталей) мог созерцать те места, в которых они пребывали? Почему отец почти никогда не показывался ему?

Одно время Ребов рьяно взялся за разнообразные «пособия» по осознанным сновидениям и даже несколько раз организовывал какие-то семинары среди интересующейся публики (а такие всегда находились), но затем быстро охладел к этому, поскольку «контроль за руками» и подобные вещи получались у него исключительно в обычных снах. Когда снились иномирные сновидения, все навыки по контролю испарялись, и он просто пребывал со своими родственниками, тихо радуясь их присутствию во сне и жутко злясь смутности воспоминаний о произошедшем очередном контакте уже наяву.

Следующим достаточно длительным его увлечением был анализ сообщений тех, кто пережил клиническую смерть и «опыты вне тела». Книги Моуди, Кюблер-Росс, Монро и те рассказы, которые приводились в них, вызывали в нем непод-

дельный восторг своим поразительным сходством с текстами сновидений о «том свете».

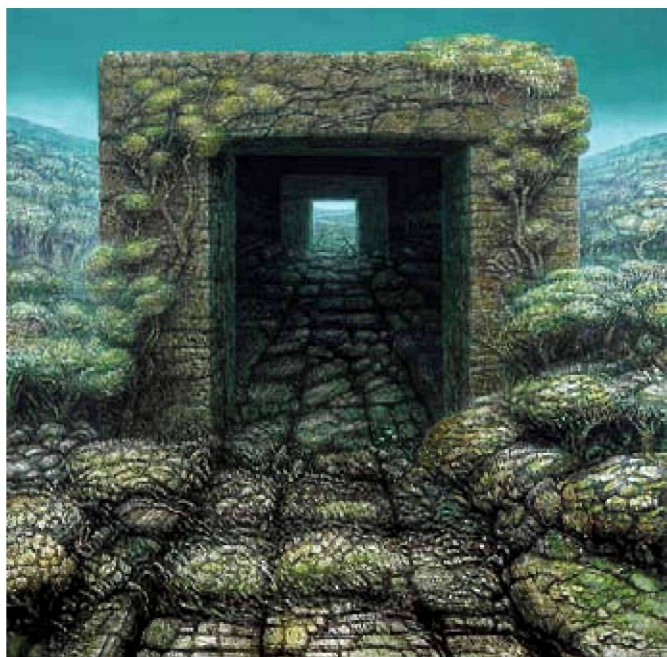
В итоге, проанализировав основные мотивы и отметив удивительное сходство упомянутых текстов, он снова вернулся к своему вечному вопросу о «личном соучастии». «Поучаствовать» в клинической смерти можно только путем попытки самоубийства. А это был совсем не его путь — по многим причинам, — в том числе из-за наличия «ошметков религиозности», как шутил сам с собой Ребов.

Определенное время он посвятил и так называемым “trips” — рассказам, рождающимся под воздействием наркотического опьянения. Кое-какой опыт имелся у него и в области медитации, холотропного дыхания и т.п.

Тем не менее все эти многочисленные «прикосновения к инобытию» (так он окрестил свои «псевдонаучные» метания) привели его к выводу о том, что именно сновидение и конкретнее — иномирные сны создавали наиболее естественную и «с привкусом настоящести» основу для контактов с умершими.

Все остальные способы были связаны, скорее, с воображением и фантазией конкретного человека, и если такие пути и наводили мосты между тем и этим миром, то эти последние были слишком искусственны, и интуитивно расценивались Петром как «ведущие в никуда».

Именно так Ребов пришел к идее депривации. Да, конечно, лишение себя сна — это идея, также связанная с каким-то «воровством у природы». Однако именно этот путь, как показывали предварительные опыты Петра и многочисленные описания в литературе сомнологического характера, мог действительно углубить переживаемое в иномирных сновидениях. Первоначально Ребов весьма заинтересовался опытами по депривации парадоксального сна, но затем пришел к выводу, что сновидения не могут быть так жестко привязаны только к одной условно выделяемой стадии. Впрочем, повторюсь, физиология сна была на периферии его интересов...

После того, как он выторговал у научного руководителя целый месяц, Ребов решил реализовать свою давнишнюю мечту по длительному лишению сна, которое сочеталось бы с полной изоляцией от каких-либо социальных контактов. Сам Петр объяснял это себе тем, что испытуемый (т.е. он сам) должен быть вырван из привычной повседневности, для того чтобы та, другая «повседневность» стала бы ему более близкой, позволила бы ему подойти вплотную к заветной «двери»... В этом смысле полная изоляция от общения с другими людьми как нельзя лучше соответствовала этой задаче будущего эксперимента.

Ребов зарабатывал на жизнь, перебиваясь внештатником в различных местных газетах и журналах. В одном из них он подрабатывал еще корректором. Кроме того, иногда кто-нибудь из сердобольных «богемствующих» друзей подбрасывал ему шабашки в форме переводов каких-нибудь технических или коммерческих статей.

В общем, при особом желании (а таковое имелось) выторговать на всех своих работах 4 недели абсолютной свободы для Ребова особого труда не составило, — повозиться пришлось только с корректурами: газета выходила три раза в неделю, и здесь необходимо было подыскать себе временную замену.

Поскольку основной (в какой-то степени, конечно) установкой было «преодоление повседневности», Ребов решил проводить эксперимент не в своей квартире, а на пустующей даче, доставшейся от родителей. Соседи по участку давно забросили свои сады-огороды, и его одноэтажный кирпичный загородный домик, окруженный со всех сторон почти целинными полями, во всех смыслах подходил идеально.

Дело оставалось за малым: обеспечить себя бесперебойным электричеством (восстановить давно сворованные провода оказалось хлопотной, но вполне решаемой проблемой), а также — существенными запасами еды и воды, кое-какой техникой (ноутбук, диктофон и др.),

© De Es Schwerberger

определенными лекарствами на случай простуды и т.д. В идеальных мечтах Ребов подумывал о необходимости контроля за электроэнцефалограммой (ЭЭГ) мозга — эти нейрофизиологические данные могли бы помочь для последующего анализа полученных благодаря эксперименту результатов. Однако обеспечить себя датчиками для снятия ЭЭГ Петр был не в состоянии; он утешал себя тем, что, в принципе, подобные данные наукой уже получены...

Одиночеству весьма благоприятствовали наступившие холода и окончившийся (как всегда неожиданно) в связи с этим дачный сезон. Ребов, подготавливая дачу к эксперименту, наглухо забил единственное окно в своем домике; кроме того, он решил как можно реже выходить из своего кирпичного пристанища, поскольку максимальная изоляция от внешнего мира также работала на главную цель опыта.

Ранним утром 11 октября (была суббота) Петр закрыл изнутри дверь дачной избушки. На чердаке Ребов соорудил велотренажер (один из вариантов «пробудителя», — если пользоваться «внутренней терминологией» самого экспериментатора). Естественно, что из домика была устранена кровать, и оставлены только два деревянных стула и небольшое кресло — «для чтения». Полностью были устранены все средства телефонной связи, а также радио...

(окончание «Набросков»)

(Избранные фрагменты дневника Ребова)

<...> Идет первый день моего опыта. Немного раздражает, что из научной литературы и моих предыдущих попыток я уже приблизительно знаю, какова будет реакция организма на первые 2-3 суток депривации...

Впрочем, тут надо учитывать и различные индивидуальные обстоятельства и условия: осенний сезон, наступившие холода, мое не особо важное физическое самочувствие — насморк и т.п. Всё это может оказать определенное влияние на конечные результаты. Посмотрим...

Ладно, пока поразмышляем о моих целях, т.е. чего я жду, и зачем я всё это затеял. Далее я постараюсь заполнять эти страницы исключительно отчетом о собственном самочувствии...

<...> Все-таки депривация — конечно, не самоцель. Я достаточно подготовлен для того, чтобы осознавать тот факт, что пребывание без сна более 11-13 суток способно вызвать необратимые органические изменения в коре головного мозга (все здесь зависит от индивидуальности испытуемого). Основной мой интерес сосредоточен, с одной стороны, на сновидениях, которые будут спровоцированы постдепривационной стадией (быть может, за этот месяц я организую целую серию деприваций). С другой, меня весьма интересуют стадии так называемых «галлюцинаций»: мозг, вырванный из привычного ритма

«сон-бодрствование», должен начать «грезить наяву» — здесь я также ожидаю любопытных результатов.

Наконец, особое значение имеет соответствующий эмоциональный настрой «на иномирное». И для этого я, к сожалению, подхожу идеально: ничего, кроме нового уровня общения с моими погибшими близкими, мне, по всей видимости, и не нужно от этого «опыта»...

<...>

13 октября, третий день лишения сна. Сегодня, как я ожидал, был прилив бодрости и сил. Такой эффект дает обычно двухдневное лишение сна. Жду с нетерпением этапа в пять суток — приблизительно время галлюцинаций... Непреодолимо ко сну начинает клонить ближе к полудню и в предутренние часы. Впрочем, в разные дни по-разному. Спасаясь тем, что почти не пользуюсь обогревателем — по ночам за окном уже минусовая температура, холод способствует бодрости. Также помогает велотренажер и обливание холодной водой.

<...>

Читать всё сложнее. Когда пишу — на бумаге или за ноутбуком — также невыносимо хочу спать...

<...>

14 октября, четвертые сутки без сна. Дальнейшему проведению эксперимента стали ощутимо препятствовать явления так называемого «микросна»: я на некоторое время «выпадаю из реальности» и, проснувшись, понимаю, что спал несколько секунд или минут.

Единственное более-менее эффективное средство против этого — физические упражнения под ритмичную музыку (благо в ноуте много подобной музыкальной чепухи). Думаю, однако, что это средство — только временный помощник.

<...>

15 октября. Завершаются пятые сутки депривации. Час назад испытал целую серию явлений «микросна», в результате чего я постыдным образом провалился на столе рядом с ноутбуком в течение почти получаса — спал, яко сурок.

© De Es Schwertberger

Это здорово меня расстроило, но в то же время взбодрило. Кстати, спал, кажется, без сновидений. Никаких галлюцинаций пока не замечал <...>.

Только что минут двадцать беспричинно плакал навзрыд. До этого момента меня терзало ужасное настроение, в чем я старался не признаваться в данном дневнике, хотя это глупо: для этого я его и веду, чтобы фиксировать всё — учет эмоций испытуемого весьма важен...

Часто думаю о матери и о брате. Вспоминаю проклятый момент, когда я не смог или не захотел к ним присоединиться в той поездке... Не помню уже, почему не поехал... Еще вспоминаю свой последний сон про них: я увидел мать и брата на зелено-серой поляне; рядом — какой-то приземистый дом, как я понял, их жилище на том свете. Они молча смотрели на меня; брат улыбался, а затем пошел в сторону какой-то воды, — наверно, это пруд из нашего детства. Или всё-таки река...

Я только что видел кого-то за своим плечом! Боковым зрением я увидел мелькнувшую фигуру. Мне не могло показаться. Стоп! Сейчас как раз стадия активных галлюцинаций. Петр, крепче держим себя в руках! <...>

Решил подняться к велотренажеру. Как назло на чердаке перегорела лампа. Вставил новую. Покрутил педали, и страх вроде улетучился... Ну, я имею в виду... что испытывал страх подняться на чердак. Стыдно, конечно. Но страх был. Эта фигура дурацкая...

<...>

Опять спал не менее часа. Странно, я, по всей видимости, начинаю путаться в днях. Компьютер показывает, что сегодня суббота, 18 октября. То есть прошла неделя моего эксперимента. А по моим ощущениям времени должно было пройти... меньше. Будто еще четверг или пятница... Ладно, оставим биологические ритмы в покое...

<...>

Сейчас, когда я пишу эти строки, я отчетливо вижу на стене фигуру человека. Теперь мне не нужно для этого прибегать к боковому зрению. <...>

Думаю о маме. Я опять плакал. Разговаривал с братом. Он сказал, что ему очень не хватает меня. Просил пойти с ним. Я молчал и не отказывался.

<...>

Вынужденно прервал эксперимент по депривации — кажется, упал в обморок. Судя по времени, показываемому ноутбуком, я спал около 10 часов. Чувствую разбитость во всем теле. Проснувшись, сразу схватился за диктофон. Но — бесполезно: рассказывать нечего: спал, как убитый. Ни одного сновидения. Полная темнота. Кстати, о темноте. Заметил, что начал опасаться прихода ночного времени суток. Днем, когда солнечный свет пробивается сквозь щели в забитом окне, на душе не так сумрачно...<...>

В два часа ночи взяли свет. Электричества не было более 4-х часов. Ноут сел через час. Ходил около получаса из угла в угол, размышляя о необходимости продолжить депривацию (пока после моего обморока не спал еще только 1,5 суток)...

Так вот, — в очередной раз повернулся спиной к столу и четко ощутил прикосновение чьей-то руки! Пишу это уже под утро. В тот момент

вскрикнул и начал судорожно искать ключи от двери. Не мог найти почти 15 минут. Фонарик сел, и поиски продолжал почти в кромешной тьме. Потом нашел, но к тому времени успокоился и решил остаться в домике.

После того, как дали электричество, заметил у себя на запястье 4 синяка — будто от пальцев. Ровно в том месте, где ощутил прикосновение! Страх не испытываю (подавил), синяки сфотографировал на свою «мыльницу».

<...>

Решил продолжать эксперимент по депривации...

<...>

Сегодня среда, 22 октября. Вечером просматривал наш старый фотоальбом — его мне подарила одна из теток лет семь назад. На фотографиях — отец с братом на рыбалке; маме в фартуке — как раз на этой даче...

Я... Господи... Он или она, — я боролся. Спокойно, Петр! Включи музыку! Включил. Буду писать на бумаге. Компьютер безумно раздражает.

Я снова уснул, кажется. В кресле. Или за столом. Я не помню точно. На меня навалились — на грудь. Ощущения очень отчетливые: меня не душили, но навалились на грудь. И я не мог дышать. Затем отпустило. Это всё.

<...>

Господи! Какое счастье! Я видел их всех: отец был как-то ниже ростом, ну, там в каких-то каменоломнях — он вагонетки с углем таскает. А мама с братом — они на дереве живут. У них домик такой белый — он на дереве. И еще рядом — другие домики. И этот другой — это тёткин дом, она там живёт. Она же тоже мертвая уже полгода. А в том, где брат, там у него — ой, как хорошо. Мы с ним вместе...

<...>

Смотрю последнюю запись — я не помню, когда это написал. И почерк — не мой. Глупость. Кажется, пора заканчивать и со второй стадией депривации, — сегодня уже пятница. Наверное, хватит. Микросны одолевают, но сновидений фактически не вижу. Вероятно, сегодня дам себе полноценно выспаться.

<...>

Мне страшно. Я не могу заснуть, хотя специально разместился для этого в кресле — поставил под ноги стул. А сна нет. Буду писать — может, усну и засну. На чердак не полезу — там, кажется, брат спит. Не хочу его будить...

<...>

Спал снова без сновидений. Мне страшно. Я хочу сновидений, а их всё нет. Если нет снов, то зачем этот эксперимент и зачем я?

Что я значу без моих снов? Так, спокойно, Петр!..

<...>

Мама смеется над моими записями. Она говорит, что все равно это бесполезный труд. Здесь никому ничего не надо делать, здесь все занимаются, чем хотят. Я ей отвечаю: а что если писать — это как раз то, чем я хочу заниматься? Она смеется.

Брат здесь, а отец — там, пониже. У них такой уютный дом! А дача мне надоела, и я замерз. Мне холодно...

(окончание дневника П. Ребова)

(дополнение А. Кробелева)

Я не буду приводить заключение судмедэкспертизы. Оно мне не интересно.

Я опубликовал разрозненные заметки моего друга Петра Ребова так, как посчитал нужным. Лично я считаю, что холодные ночи просто докнавали его там на даче: отопления не было, обогревателем он не пользовался... А организм — крайне ослаблен трехнедельным недоеданием и депривацией сна.

То, что осталось из записей в ноутбуке (да и в тетради тоже) — в основном, бессмыслица: подробное описание каких-то домов, деревьев, полян; все это сопровождается маловразумительными рисунками и цифрами... Вряд ли это добавит информации к тому, что уже опубликовано.

Я уверен, что всё действительно важное уже приведено мною выше.

Добавлю, что, если все-таки у кого-то возникнет желание почитать остальное, — я, в принципе, не буду против. Так что — обращайтесь, если что...